

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

ТОСКА

В темноте комнаты слышалось лишь жужжание мух, она окончательно проснулась. И слыша это жужжание, ей, тем не менее, казалось, что она не слышит ничего, что вокруг непрерывная тишина, потому как темнота предполагает безмолвие - такова была в ее представлении логика жизни, природы. Ей показалось, что приоткрылась дверь, кто-то вошел в комнату, и она увидела хлынувший в темноту холодный поток света. По земляному полу заходил мокрый веник. Комнату подмели, мусор высыпали в печь, и тень, как появилась, так и пропала.

Ее никак не отпускал позавчерашний сон. Снилось ей, что муж, совершенно голый, лежит в мягком, как вата, снегу и зовет ее к себе:

- Ты тоже снимай одежду, - говорит он, - и ложись, здесь прохладно, а от тамошней духоты дыхание перехватывает.

Стуча зубами от холода, она переминается с ноги на ногу.

- Раздевайся же, - настаивает он, - ложись рядом, в прохладе, ведь солнце изжарило тебя вконец.

Пальцами-гвоздями муж хватает ее за запястья, и что она ни делает, как ни силится, не может вырваться из его рук.

- Пусти, - просила она, - ну, отпусти мои руки, я пойду принесу тебе теплую одежду, холодно ведь...

- Ты не придешь, - говорил он, - знаю я, если уйдешь, не вернешься, я хорошо тебя знаю.

Молила, просила, вырывалась, но избавиться от пальцев-гвоздей никак не могла. Она тянула руки, а пальцы впивались все глубже, доходя до костей. И вдруг... левая рука ее оторвалась от самого плеча и осталась в пальцах мужа, сама же она упала и покатила по белому снегу. Потеряла сознание, потом с трудом пришла в себя и, опираясь на правую руку, кое-как поднялась на ноги.

Вдруг снег, окутавший, казалось, весь мир, с мощным звуком начал таять, течь, унося в своем мощном потоке ее мужа. Этот грохочущий снежный сель мчался прочь, а за ним открывался зеленый мир.

Задышавшись от крика, она бежит за снежной лавиной.

- Верни мою руку, - кричит она. - Что я буду делать без нее?..

Открыв глаза, озирается она по сторонам, хочет подобрать сползшее одеяло, укрыться, но не может. Правой рукой проверяет, ощупывает левую, бревном лежащую вдоль тела.

"..Паралич?!"

На мгновение глаза застилает тьма.

Наверху она спать не могла и, когда, заболев, слегла, переселилась с постелью вместе в нижнюю комнату. Здесь не было слышно ни шума детей, ни расспросов гостей. И еще сюда ей хотелось потому, что пол тут был земляной. Большая часть ее жизни прошла в доме, похожем на этот, никак не могла она привыкнуть к дому сына с деревянными полами.

Она не знала, какое сейчас время суток. Если б можно было встать, открыть дверь и выглянуть наружу... Но тут вспомнилось ей, как давеча отворялась дверь, и в комнату ворвался холодный поток света. Значит, день на дворе, светло. А раз светло, спать она не должна, иначе, что станет делать ночью, до самого утра. В темной комнате, конечно, что день, что ночь, не различить, и все же днем она кое-как перемогалась, но провести без сна ночь было пыткой, мучением, поэтому она, как могла, берегла свой сон для ночи.

Мухи по-прежнему летали, утомительно жужжа. Ей казалось, что лежит она не на пружинной кровати в темной комнате, а стоит на самом краю земли, лицом к лицу с безбрежной пустотой, и стоит ей слегка шевельнуться в постели, как рухнет она в бездонную пропасть. Пустота эта словно граница мира, жизни, ее конец, куда человек обязательно должен прийти к концу своего существования и оказаться лицом к лицу с этой пустотой.

Болезнь сжигает нутро, но она не обращает на это внимания, зная, что боли и беды в этом возрасте приходят и уходят легко. Когда боли стихают, ее клонит ко сну, потом - пробуждение и снова - сон: сны и думы мешаются, переплетаются между собой, и она их уже не различает. Ей кажется, что все было вчера, позавчера, до самого последнего времени была она ребенком, была молодой, любила и была любима. Прошедших лет она не видит, не чувствует, не осознает быстротечности жизни.

У подножия садового склона тихо, бесшумно течет равнинная река. Днем она ее не слышит из-за шума во дворе, а по ночам отчетливо различает таинственные, переливчатые звуки воды. И тогда ей хочется подняться с постели, спуститься по садовому склону вниз, к реке. Но она так слаба, что не может сдвинуться с места, и беззвучно продолжает литься таинственная песнь реки, унося с собою прочь память ночи и темноты.

У нее пропал аппетит, а ведь человек в таком состоянии, даже если не хочет, должен есть, чтобы жить. Только ей не хочется есть, совсем не хочется. Уже и лекарства давно кончились. Но сыну об этом она не говорит. Знает, что у него дела. Он должен все бросить, чтобы съездить в город за лекарствами. Тяжело обходиться без лекарств, она ждет, что он сам спросит о них, поинтересуется, но он молчит.

Дверь приоткрывается, она между сном и явью. Но даже с закрытыми глазами она знает, что это сын: он всегда приходит в это время. Придет, сядет рядом, возьмет в ладони ее руки-колодки и что-то тихо говорит, о чем-то спрашивает, она что-то отвечает. Она знает, что сын недоволен тем, что она лежит здесь, в нижней комнате. Помнит, как однажды ее, тяжело больную, вместе с кроватью он перетаскивал наверх. Сына она понимала, понимала, что где-то он прав, но ничего с собой поделать не могла.

Сын с невесткой то и дело пререкаются, ей внизу все слышно. Известно ей и о холодке между ними. Все знала, но виду не подавала, потому что в судьбу семьи никто со стороны не должен вмешиваться, она это знала по собственному опыту.

Она не замечает, как уходит сын, потому как засыпает.

Едва прикрыв глаза, она тотчас ощущает дыхание Азраила в темноте, он сидит в углу, поджав ноги, на сыром земляном полу и смотрит на нее сквозь длинные ресницы, ждет удобного момента, чтобы уворовать ее дух. Стоит открыть глаза, Азраил исчезает. Так и воюет она с ним всю долгую ночь, до самого утра. А минуты, секунды тянутся медленно, как тяжело навьюченный караван. О приходе утра она узнает по звукам живости во дворе, кур, цыплят, коров. Узнает и успокаивается: тело, уставшее всю ночь бороться с Азраилом, засыпает. Так и спит в темной комнате до полудня, то и дело вздрагивая и просыпаясь.

На прошлой неделе внучка-малютка, лунный осколочек, проплакав, прокричав два дня, приказала долго жить, сглазили, наверное. "Кто может спать, тот не умрет", - говорят. После смерти ребенка, кроме сына, здоровьем ее никто не интересуется. А она почти и не замечает, когда приходит он, когда уходит.

Во дворе ветер завывал, что было сил. Она слышала мольбы и стенания голых ветвей, гнувшихся под порывами ветра. Не помнит она, когда растопили печь, но ей

холодно, кости ломит так, что она готова ползком добраться до печи и залезть в ее пылающее нутро. Завывающий снаружи ветер будто здесь, в темной комнате, пробирал ее насквозь. Ей казалось, что ничем уже не вытравить этот холод изнутри, так глубоко он забрался.

Ближе к вечеру ей стало легче, она приподнялась и села в постели. Но отголоски сна не оставляли ее. Какой-то звук, точно колдовство, звал ее к свету. Эхом отзываясь в ней, он удалялся, и сердце ее рвалось следом, чтобы слиться и уйти вместе с ним. Звук уходил, отдалялся, потом возвращался снова, увлекая ее за собой. Как она ни старалась, никак не могла освободиться от колдовства этого завораживающего голоса... И вдруг она почувствовала такое облегчение, будто заново родилась. Взявшись за металлические решетки кровати, она встала, впервые в этом году поднялась на ноги.

Открыв дверь, вышла во двор. Холодные лучи меркнувшего на западе солнца слепили глаза. Во дворе никого не было. Только из верхней комнаты доносились голоса сына и невестки, они о чем-то спорили.

Ей хотелось все стоять и стоять во дворе, обозревая и осящая широту и необъятность мира, но ноги вели ее под вяз напротив двора. Она присела на каменную плиту под деревом, прислонилась спиной к корявому столу. Звук, поднявший ее с постели, позвавший ее к свету, шел из дерева, из самой сердцевины его. Она посмотрела на зеленые ветви, покрывшиеся листьями среди зимы. Впервые она видела, чтобы вяз зазеленел в эту пору. Звук из дерева, как сон, наполнил душу, всем существом своим ощущала она, как звук этот с болью исторгается сердцевиной, корой дерева и проникает в нее.

Запрокинув голову, еще раз взглянула она на ветви. Глазам не поверила: зеленая листва вяза со стоном осыпалась на промерзшую землю.

ОСТРОВ

... Вздрыгнув от звука прищелкивающих пальцев, он открыл глаза

... Лоб, виски были покрыты холодным потом.

... От гула звенело в ушах.

... Пока разобрал, где он и откуда доносятся звуки, прошло достаточно времени. Гул доносился опять оттуда, со стороны президентского дворца.

... Он не знал о том, что стемнело. Из беспросветной пустоты за окнами вновь замаячили эти повторяющиеся из дня в день, нескончаемые, изматывающие его мучения.

... С тех пор, как звуки прищелкивающих пальцев наполнили его сны, он не хотел, чтобы наступал вечер. Боялся попадать в кошмарный омут сна. Больше всего же он паниковал от все возрастающего шума тех снов.

... И избавиться, убежать от всего этого он не мог. Едва, откинув одеяло, ложился он в постель, как сон тут же, незаметно для него самого, завладевал им. По начинающему давить на нервы перестуку он понимал, что засыпает. Потом звуки эти начинали расти, усиливаться, и мозг его скоро уже гремел железом наковальни. После таких мучительных ночей он становился еще нетерпеливее. Ночи будто удлинялись, тянулись все дольше. И ему казалось, что дни, чем дальше, будут становиться все короче, и однажды наступит время, когда жизнь будет состоять из одних лишь ночей. Сны эти, полные прищелкивающих звуков, шаг за шагом подтачивали его силу, мощь и виделись ему таинственным призраком приближающейся смерти. Страх смерти пробирался вовнутрь.

... Если жизнь каждому отмерена, ограничена, откуда тогда беспокойство человека о будущем, о судьбе мира? Ведь ему не жить в том будущем, не видеть тех далеких лет, он уйдет, препоручив, оставив кому-то и место свое, и землю, и славу. И он это знает, знает хорошо. А если знает, то почему так скоро забывает?

В его понимании самое бессмысленное и никчемное, что может сделать в жизни своей человек - это умереть. Может, плавя он по течению, смерть так не пугала бы его, потому что он не хотел жить больше положенного ему срока.

Он боялся вновь вернуться в эту жизнь, обратившись после смерти в какое-нибудь другое существо, как шелкопряд, к примеру, превращается в гусеницу, боялся вновь претерпеть все жизненные муки и страдания.

... Он судьбу свою прожил лишь раз. Возвращаться к тем дням, заново проживать данную ему жизнь он не хотел. Воспоминания о прошлом волновали его, высушивали нутро. Он больше не находил в себе сил переживать и отражать все крупные и мелкие перипетии прожитой жизни. Прошлое, одно время бывшее таким родным для него, теперь виделось ему страшным, ужасающим. Может, все потому, что жизнь свою, что прожил и теперь терял, вместе с ее теплом и сладостью, горечью и изменами, хотел он видеть только в прошлом.

... Звуки воды, ветра, аромат полыни и повисшее в небе белое облачко невольно уносили его из сегодняшних дней в прошлое. Проживая мгновения, минуты, чем-то напоминающие страницы тех лет, память начинала ныть, словно думала о возврате к прошлому. Но это длится лишь мгновение, после чего все в памяти раскладывалось по местам. Иногда он возвращается к прожитым дням в своих снах. Возвращается и тут же, вздрагивая, просыпается.

С тех пор, как сны его заполнили эти щелкающие звуки, жизнь вышла из привычного русла, все изменилось и стало другим. Страх снов не покидал его и днем.

...!!!

... Его как будто позвали. Он вздрогнул оттого, что произнесли его имя. В этом оклике были что-то, словно петельки какие-то, связывающие его с прошлым.

... Боясь вернуться в прошлое, он не стал вслушиваться.

... Приезжая в село, его не беспокоило то, что площадку, где играли они в детстве, превратили в пашню. Наоборот, он радовался этим изменениям. И дорога, там вдалеке пересекавшая равнину, где не росло ничего, кроме полыни и тамариска, тоже была новой, не помнил он ее.

Но сны, полные прищелкиваний, не оставляли его в покое даже в селе. Стоило голове коснуться подушки, как из тишины и безмолвия села он попадал во власть кошмарных сновидений, от которых не было ему жизни ни здесь, ни в столичном городе.

Страх снов рассеивал память, нарушал упорядоченность мыслей.

... Тень старика, в темноте ночи что-то пытавшегося найти в мусорном ящике, стояла перед глазами. Один раз, всего лишь один раз видел он того старика.

... Одной рукой старик копошился в мусорном баке, другой же прищелкивал. Люди проходили мимо, не обращая внимания на старика, правая рука которого рылась в мусоре, а пальцы левой то разводились в воздухе, то, складываясь, прищелкивали. Он же стоял и смотрел, как старик нашел в мусоре заплесневевший кусок хлеба, сунул его в карман и, продолжая щелкать пальцами, пошел дальше.

... С тех пор, как болезнь уложила его в постель, он стал нетерпелив во всем. Он не включал телевизор, страхась услышать и там прищелкивающие звуки. Но чувствовал на потухшем экране тусклую тень рук и пальцев, издающих этот звук, и нервы его напрягались.

Он и раньше иногда после работы отправлялся на свою загородную виллу у моря, там и ночевать оставался. Думал, что море и одиночество его успокоят. Но напрасно...

... В ветреную погоду море гудело, грохотало. Шум моря его пугал. А в тихую погоду мягкий шорох волн, набегавших на берег, навевал грусть.

... Ночи проводил он беспокойно. Ему казалось, что стоит закрыть глаза, как вода размоет под ним землю, и его вместе с кроватью поглотит море. Как только закрывал он глаза, губы начинали ощущать вкус соленой морской воды, и он просыпался, боясь задохнуться.

Он лишился вкусовых ощущений. Ни в еде, ни в питье не находил прежнего удовольствия. Это где-то его устраивало. Он освобождался от битвы с химерами на каждом шагу.

... Было время - он радовался тому, что человек может побывать на том свете лишь во сне. Не будь это сном, на том свете он мог бы быть привлечен к различным работам - мукам и страданиям. Снова будет в нужде, в денежной зависимости.

... В последние дни и на вилле, где остается он один на один с морем и одиночеством, сны утомляют его, подавляют. Едва закрывает он глаза, как сон начинается прищелкиванием. Эти звуки, раздающиеся где-то недалеко, перед мысленным взором его оживляют некую безголовую массу, сбившую себе ладони продолжительными аплодисментами, но, кроме самого звука, он ничего не слышал, не ощущал. Звуки-щелчки шаг за шагом входили в его нутро.

... Заполняя собою сны, они заглушают все другие звуки, не дают слышать их. Они поглощают и грохот моря, и мягкий шепот волн, набегающих на берег.

Звуки прищелкиваний были очень долгими, бесконечными. Его в ужас приводило то, что они никогда не заканчивались, не иссякали... Они длились и длились. По мере того, как они продолжались, все прочие, покрываемые, поглощаемые ими, неслышные и невидимые звуки слабели, теряя силу... Все, что было вокруг него, в памяти, в воспоминаниях, связывающих его с этим миром, сдаваясь тем звукам, покидало его.

... Боялся, что сны эти будут все длиннее, боялся, что звуки прищелкиваний сведут его с ума.

... Подойдя к окну, посмотрел на море. Пенящийся в волнах лунный свет слепил глаза. Ему показалось, что море пьяно, устав колыхаться, хочет оно остановиться, погрузиться, уйти в себя, в мысли свои.

... Но вода была пенистой, а волны белыми-белыми.

... Попав в ритм прищелкивающих звуков, море утратило свой ритм.

Он подумал, интересно, смогут ли уловить этот ритм спящие в воде рыбы?

Перевод Надира АГАСИЕВА

Литературный Азербайджан - - 2004. - №6 -
С. 66-70.

